

Жизнь и судьба военнопленного врача Генриха фон Рооса

Опубликовано: Жизнь и судьба военнопленного врача Генриха фон Рооса // Бородино и наполеоновский войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы. Можайск, 2008. С. 307-317.

[307] Среди тех пленных, которые навсегда связали свою судьбу с Россией, были и врачи. В частности чрезвычайно интересна судьба Генриха Рооса, оставшегося в России и дослужившегося до должности главного доктора Мариинской больницы в Петербурге. К счастью источники позволяют достаточно подробно проследить его судьбу в России. В Российском государственном историческом архиве хранится дело о службе этого бывшего пленника, где в числе прочих документов находятся и два его формулярных списка. Первый список не датирован, второй 1837 года; оба с последующими добавлениями¹. Кроме того, Роос на склоне лет написал мемуары, опубликовав их в 1832 г. в Петербурге². Однако, по-видимому, это издание не обратило на себя внимания историков. Позднее мемуары эти несколько раз переиздавались за границей – в Германии и во Франции (в переводе на французский). И наконец, в начале XX века, в 1912 г. в связи с юбилеем Отечественной войны независимо друг от друга с заграничного немецкого издания были выполнены два перевода на русский язык, изданных соответственно в Москве и в Петербурге (по качеству перевода, московский вариант точнее)³. Оба списка сообщают, что Генрих Ульрих Людвиг фон Роос родился в Штутгарте, в Вюртембергском герцогстве (с 1806 г. королевство), что он происходит из обер-офицерских детей, холост и является доктором медицины. В раннем формулярном списке также указано, что он является кавалером вюртембергского королевского ордена за достоинство и не имеет во владении душ. Недвижимого имущества он не [308] приобрел и к 1837 г. Согласно списку 1837 г. Роосу было 56 лет, следовательно он родился около 1780 г. За время пребывания на русской службе под судом он не находился.⁴

Генрих фон Роос попал в плен уже опытным медиком. Он стал военным врачом в 1800 г., в 1805 г.- старшим врачом, участвовал в военных кампаниях с 1805 по 1809 г. Во время похода 1812 г. он служил в 3-м конноегерском герцога Людовика полку.

Он был взят в плен 16(28) ноября как был взят в плен под Студянкой близ Борисова. К вечеру партию пленников, в числе которых был и мемуарист, ограбленных

уже казаками, пригнали в Борисов и расположили под охраной на улице вблизи нескольких горящих домов, чтобы пламя пожара немного согрело несчастных. Рано утром, к костру, около которого сидел Роос, подошел русский военный чиновник – немец по происхождению. Заговорив с пленниками, и узнав, что один из них врач, незнакомец сказал: «ну, врачам в теперешнее время можно устроиться, наш генерал их берет, однако согласно особому приказу, исключительно немцев». На утро Роос решил воспользоваться предложением и отправился по «развалинам и площадям» Борисова в поисках русского начальства.⁵ Характерно, что его никто не остановил - согнанных в Борисов пленных практически не охраняли. Организовать в короткий период надзор за ними по-видимому не было возможности, да и бежать голодным и полураздетым пленникам было некуда и незачем.

Пройдя совсем немного, Роос вновь встретил ночного знакомого и сообщил ему о своем согласии работать врачом во время плена в госпиталях. Его тут же препроводили к генералу. Это был П.Х. Витгенштейн. Расспросив Рооса о его происхождении и службе и получив немного хлеба, который слуга раздал и другим доставленным к графу пленным французским офицерам, Роос удалился в соседнюю комнату, где и заснул на сене среди множества других офицеров. Проснувшись через некоторое время он обнаружил, что находится в комнате один, а войдя в соседнее помещение застал там Витгенштейна, также в одиночестве сидевшего за столом с бумагами. Граф посоветовал Роосу пройтись по улицам и поискать главного врача корпуса, рассказав при этом как тот выглядит и какую сумку носит. «Изложите ему ваше желание с указанием, что я послал вас», - закончил речь граф.⁶ Этот эпизод дает вполне наглядное понятие о тех условиях, в которых приходилось работать в те дни штабу 1-го Отдельного корпуса и самому графу Витгенштейну и вообще о хаосе, творившемся в Борисове.

[309] Увидев на улице человека, похожего на описанного Витгенштейном, Роос зашел вслед за ним в дом. Это действительно оказался доктор Витт – главный врач корпуса Витгенштейна. Узнав, в чем дело, Витт пригласил пленника к своему столу, накормил его и сообщил между прочим, что два дня назад был взят в плен транспорт с больными и ранеными вюртембергцами, при которых находились и четверо врачей. Транспорт этот находился теперь в трех в десяти верстах от города. Погуляв по городу, ночь Роос провел в доме Витта. На другой день к Витту явились несколько пленных врачей из Великой армии, предложивших русским свои услуги на время плена. Однако принят на службу был только Дюкруа, уроженец Кенигсберга. В этот же день Витт издал письменный приказ, согласно которому Роос назначался в деревню Жицково, в 10 верстах от Борисова, где находились 3000 больных и раненых русских и пленных. Дюкруа

становился его помощником, а русский врач, которого сменял Роос, должен был следовать далее за своим корпусом. Витт уехал 2 декабря (нового стиля) а Роосу лишь 7 числа удалось добиться от борисовского коменданта транспорта для отправки к месту службы. На недоуменные вопросы доктора о причине задержки русские только удивлялись: «Что вы, немцы, все так ретивы в службе».⁷

Здесь, в Жицково, находились и четверо вюртембергских врачей, о которых упоминал Витт: старший врач Ципперлен и младшие врачи Кюнле и Гертнер (фамилии четвертого, вскоре умершего, Роос не запомнил). Русский врач уехал, взяв с собой Ципперлена, а Роос приступил к своим обязанностям. Русский офицер выдал врачам по тулупу, и прикомандировал в качестве переводчиков несколько солдат, знающих немецкий язык, через которых и происходило общение с русскими пациентами. Эти же солдаты зачастую ассистировали при операциях и перевязках, а также выполняли обязанности денщиков. Работать приходилось в сложных условиях: при свете лучины, недостатке дров, лекарств и перевязочного материала. В распоряжении врачей имелся только один докторский нож, полученный от доктора Витта, так как все инструменты у Рооса были отобраны казаками. Тем не менее медики дважды в день старались обходить всех больных. В свою очередь и больные русские офицеры помогали пленным врачам. Они делились с ними бельем, и что особенно было ценно – чаем.⁸

В январе 1813 г. Роос заболел тифом и вернулся к своим обязанностям только в конце февраля. К этому времени положение в госпитале [310] значительно улучшилось: наладилось снабжение продуктами, лекарствами, в деревне появились молоко, масло, вино, мед. Пленных отправили в Полоцк, часть русских больных поправились и были отправлены к армии.⁹

Весь этот драматический рассказ, приведенный им в мемуарах, уложился всего в три строчки формулярного списка. Согласно ему Роос был определен в российскую службу в военных госпиталях графом П.Х. Витгенштейном 17 ноября 1812 г., что соответствует и показаниям его мемуаров. Он «был употребляем при многочисленных раненых и больных по случаю недостатка в лекарях, отправляя должность старшего врача 1 класса с жалованием 750 руб. в год.»¹⁰

Одновременно с этим, как свидетельствует формулярный список, с 14 апреля 1813 по 3 января 1814 г. Роос занимал место борисовского уездного доктора, которое было тогда вакантно.¹¹ Дело в том, что Роос, занимаясь лечением больных и раненых военных, приобрел хорошую репутацию. Окрестное дворянство стало приглашать его к больным. Гражданских медиков в то время в России катастрофически не хватало. Именно поэтому комендант Борисова подполковник Свечин и предложил пленнику перебраться

на новое место. Здесь он по-прежнему лечил военных, но вместе с тем занимался и частной практикой.¹² Следует отметить, что такое соединение двух должностей обеспечивало казне экономию средств, поскольку жалования по должности уездного врача Роос не получал.¹³

В Борисове Роос пользовался расположением как военных, так и гражданских лиц. Один русский майор подарил ему шпагу и английское седло, найденные среди вещей, брошенных Великой армией. Подполковник Сазонов приглашал его ежедневно к себе обедать. Капитан Шильдер давал Роосу читать стихотворения Шиллера. Внимание Роосу уделял и городничий А.К. Шаталов, которого пленник успешно лечил от болезней глаз и от лихорадки. «Столь же сердечно и благожелательно, как эти добрые люди, относились ко мне и остальные офицеры гарнизона, гражданские чиновники, начальник и учителя уездного училища и даже некоторые еврейские семьи», - писал позднее Роос. Подружился он и с представителями польского общества, которые грезили о возвращении Наполеона так сильно, что им даже чудились все приближающиеся пушечные выстрелы.¹⁴ Впрочем, не все так хорошо относились к пленному медику. «Меня порою огорчали и даже задевали лично, - пишет [311] Роос в мемуарах, - и делали это люди, которые вследствие надобности во врачах отправлены были в армию или в госпитали еще не закончив своего медицинского образования, и по невежеству приравнивая нас к простым пленным, полагали, что к нам можно относиться пренебрежительно и хотели понравиться благодаря своей национальной гордости или знанию родного языка». Из-за этого летом 1813 г. Роос обратился к властям с просьбой разрешить ему сдать экзамен и отпустить его для этого в Вильно. Более того, он обратился в связи с этим с жалобой к доктору Витту, который находился при действующей армии.¹⁵ Обращает на себя внимание, что с инициативой о сдаче экзамена выступил сам пленник, а не российские чиновники, ставившие этот вопрос многократно на общегосударственном уровне. Так о необходимости экзаменовывать пленных врачей, в первую очередь привлекаемых к лечению гражданского населения писал в марте 1813 г. С.К. Вязмитинов в отношении к министру народного просвещения А. К. Разумовскому.¹⁶ В дальнейшем и сам Разумовский активно и последовательно отстаивал эту позицию.¹⁷

Однако реакция властей последовала лишь в конце января 1814 г.: в Борисов пришел приказ о переводе Рооса ординатором в пехотный госпиталь в Петербурге и о разрешении ему сдать экзамен в Медико-хирургической академии.¹⁸ По-видимому, решение о переводе в столицу было обусловлено именно ходатайством Витта, факт обращения к которому опущен в русском переводе мемуаров.

В формулярном Рооса списке сказано, что действительно, 28 января 1814 г. он был переведен в Санкт-петербургский военный госпиталь, где отличался «особенною рачительностью к совершенному благоволению начальства». Это благоволение выразилось, по-видимому, и в том, что Медицинский департамент 12 октября 1814 г. позволил Роосу носить вюртембергский «орден за заслуги». 11 ноября 1814 г. Императорская Медико-хирургическая академия по результатам экзаменов утвердила Рооса доктором медицины. Однако 28 сентября 1815 г. Роос по прошению был уволен из военных госпиталей.¹⁹

В свидетельстве о службе, выданном Роосу в конторе Санкт-петербургского военного госпиталя было указано, что он состоял в госпитале в качестве ординатора с 30 ноября 1813 г. до 17 сентября 1815 г., что расходится с данными формулярного списка и с мемуарами самого Рооса. Вероятно чиновники, составлявшие [312] документ, имели в виду весь период службы пленника в русских военных госпиталях. Впрочем, тут более важна аттестация, данная врачу в этом свидетельстве, согласно которой он «пользовал вверенных ему больных, как внутренними, так и наружными болезнями одержимых, как весьма опытный врач, усердием, старанием и деятельностью он помогал больным столько, сколько со стороны его возможно было».²⁰

Мемуары Рооса дополняют данные официальных документов о начале петербургского периода его жизни. Приехав в столицу и приступив к своим обязанностям по госпиталю, Роос отправился вскоре на прием к начальнику Медицинского департамента Военного министерства доктору Рускони и потребовал отпустить его на родину, поскольку его соотечественникам уже была предоставлена свобода. С подобными требованиями он обращался по начальству еще в Борисове. (Вюртембержцев отправляли на родину согласно циркулярному предписанию Вязмитинова от 9 ноября 1813 г.). Рускони заявил, что сперва следует сдать экзамен, а в конце разговора прибавил: «Оставайтесь у нас, я вам советую это, вы никогда не будете раскаиваться». От Рускони Роос отправился в Медико-хирургическую академию, где стараниями «хорошего человека и друга иностранцев ученого секретаря доктора Орлэ» очень скоро получил возможность сдать экзамены. После его завершения Орлэ сказал Роосу от имени академической конференции: «За три года ни один иностранец не сдавал экзамен так хорошо, как Вы».

Впрочем, Роос не оставил попыток вернуться на родину. Он обратился 5 июня (нового стиля) 1814 г. через посольство к королю с просьбой об отзывании на родину и о восстановлении в должности, а в случае отказа в отзывании – о разрешении остаться в России. За содействием Роос обратился и к принцу Александру Вюртембергскому. Впрочем, власти Вюртемберга не изъявили готовности принять Рооса на родине и вернуть

ему прежнюю должность. От имени короля 22 августа ему было сообщено, что он может оставаться в России. То же ему советовал и принц Александр, а также друзья и покровители на родине. Дело в том, что к этому моменту на родине его уже считали умершим, исключили из списков по службе, и даже опубликовали в газете некролог. Через год, летом 1815 г. вюртембергские власти опубликовали в петербургских газетах объявление с требованием всем вюртембергским подданным, оставшимся в России после похода 1812 г., под угрозой [313] потери имущества и прочих прав вернуться на родину. Роос подал прошение об отставке, приложив к нему вырезку из газеты, и в сентябре 1815 г. был уволен, что подтверждается и документами. Сообщив об оставлении русской службы на родину, Роос просил дать ему должность по военному или гражданскому ведомству, не преминув, впрочем, вновь оговорить, что в случае отказа, он желал бы остаться в России. Должности он опять не получил, зато в ноябре получил королевский рескрипт, позволявший ему и дальше проживать в России.²¹ На этом мемуары Рооса заканчиваются.

Как следует из формулярного списка, 18 января 1816 г. подал прошение о принятии его в петербургскую больницу для бедных на открывшуюся вакансию младшего лекаря, приложив к прошению и свое свидетельство о службе.²² Член Санкт-петербургского опекунского совета, которому подчинялся Воспитательный дом, больница для бедных и другие учреждения ведомства императрицы Марии Федоровны, И. В. Тутолмин внес это прошение на рассмотрение совета. 21 января 1816 г. императрица, покровительствовавшая соотечественникам-вюртембержцам утвердила доклад о назначении Рооса на открывшуюся вакансию.²³ Забирая в октябре свое свидетельство о службе, приложенное к прошению, Роос оставил расписку, в которой собственноручно подписался своим новым русским именем: «Андрей Иванович фон Роз».²⁴ Однако еще в июне 1816 г. Тутолмин предложил опекунскому совету Воспитательного дома утвердить у должности находящегося «на опыте на вакансии младшего лекаря» фон Рооса, который «для этой должности оказался способным». Соответствующее решение опекунского совета было высочайше апробовано 24 июня 1816 г.²⁵ В 1818 г. Роос стал надворным советником. Одновременно со службой в больнице для бедных, он с декабря 1818 г. служил в Санкт-петербургском коммерческом училище, а с января 1819 г. также и в Санкт-петербургском училище ордена Св. Екатерины. В 1820 г. он был награжден Орденом Св. Владимира 4 степени.²⁶ В том же году за «произведенную благополучно операцию в лазарете Коммерческого училища» Роос получил высочайшее благоволение.²⁷ В 1822 г. в связи с запрещением масонских лож на территории Российской империи Роос так же как и другие чиновники дал подписку о том, что он не принадлежит ни к какому

тайному обществу ни внутри империи, ни вне ее.²⁸ В августе 1824 г. «в уважение отличной его деятельности и усердного [314] служения» Роос был назначен старшим лекарем в больнице для бедных. А в ноябре 1824-апреле 1825 гг. работал в специально учрежденном по случаю наводнения в Петербурге 7 ноября 1824 г отделении больницы, где излечил 138 человек.²⁹ В 1828 г. он подал прошение о предоставлении ему десятидневного отпуска для поездки в отечество и получил соответствующее разрешение императрицы Марии Федоровны.³⁰ Наконец в 1826 г. Роос получил чин коллежского советника (со старшинством с 1824 г.).³¹ В 1828 г. Роос получил орден Св. Анны 2 степени, а в 1830 г. стал статским советником. В 1831 г. он был пожалован императором бриллиантовым перстнем, а в 1832 г. получил знак отличия за 15 лет беспорочной службы. В следующем году он уже имел орден Св. Анны 2 степени с императорской короной, а в 1835 г. получил орден Станислава 3 степени.³² Вместе с тем с 1819 по 1835 г. в следствие болезни докторов в Коммерческом училище и в училище ордена св. Екатерины Роос неоднократно исполнял их должности. А с 1824 г. неоднократно исправлял должность отсутствовавшего по болезни главного врача больницы для бедных действительного статского советника Бинберга.³³ А 26 июня 1835 г. почетный опекун граф Виельгорский вошел в опекунский совет с представлением об увольнении Бинберга по болезни и о назначении на место главного врача больницы Рооса, «имея в виду его отличное усердие к службе и опытность». 27 июля 1835 г. император Николай утвердил соответствующий доклад опекунского совета.³⁴ В связи с новыми обязанностями Роос оставил службу в Коммерческом училище и в училище ордена Св. Екатерины.³⁵ В 1836 г. М.Ю. Виельгорский в связи с тем, что Роос «постоянным усердием к службе обращает на себя внимание начальства», вошел в опекунский совет с ходатайством о поощрении его годовым окладом жалования. Однако в денежном поощрении было отказано.³⁶ Однако в следующем году Роос был удостоен высочайшего благоволения и получил знак отличия за 20 лет беспорочной службы.³⁷ Возглавив Мариинскую больницу Роос вел в практику публикацию ежегодных отчетов о ее деятельности. Два такие отчета за 1836 и 1837 гг. сохранились в собрании Российской национальной библиотеки.³⁸

В 1839 г. Роос получил орден Св. Владимира 3-й степени и орден Св. Станислава 2-й степени.³⁹ Однако здоровье уже немолодого доктора ухудшалось. 22 мая 1839 г. он подал в опекунский совет прошение в котором просил «уволить его в отпуск на 28 дней для восстановления своего [315] расстроенного здоровья от ревматических головных и грудных припадков коими он несколько лет страдает, посредством спокойного употребления серных ванн близ столицы». ⁴⁰ А в апреле 1840 г. почетный опекун принц

Ольденбургский сообщает опекунскому совету, что Роос «с давнего времени страдает грудной болью, состоящей в периодической одышке и что по собственному убеждению и по совету других медиков употребление минеральных вод может быть единственным средством к его излечению», и поэтому просит уволить его на три с половиной месяца в отпуск в южную часть Германии. Кроме того, Ольденбургский просит выдать Роосу в пособие его годовое жалование, которое составляло на тот момент 1035 руб. серебром. В мае император разрешил Роосу ехать за границу и выдать ему просимое пособие.⁴¹ Однако эта поездка оказалась для Рооса последней. 20 августа 1840 г. П.Г. Ольденбургский сообщал в опекунский совет о получении из баварского города Вюрцбурга известия о смерти главного врача Мариинской больницы. Из дальнейшей переписки видно, что умер Роос 4/16 июля.⁴² После смерти Рооса выяснилось, что в Санкт-петербургской сохранной казне лежит капитал Рооса в размере 6 тыс. руб. Неженатый Роос имел в Вюртемберге сестер и племянников, в пользу которых и было составлено его завещание. Капитал был выдан вюртембергскому генеральному консулу в Петербурге, за вычетом стоимости ордена Св. Станислава 2 степени, который не был обнаружен среди вещей покойного и по-видимому был увезен им в Германию.⁴³

Характерно, что прожив много лет в России и прослужив в столице, Роос так и не стал российским подданным. Но еще более характерно, что этот вопрос в течение его службы даже не возникал. Им задалось лишь Министерство финансов в 1844 г., через четыре года после смерти бывшего пленника, в связи со взысканием крепостных пошлин по его завещанию.⁴⁴

---

¹ РГИА Ф. 758 Оп. 15 Д. 101. Первый список (Л. 17об. – 18) не датирован, но основной его текст заканчивается февралем 1816 г., а далее следуют приписки, первая из которых относится к февралю 1818 г. Его служба в России в 1812-1816 гг. описана кратко. В конце списка стоит собственноручная подпись: «Докторъ медицински и кавалер фон Роозъ». Второй список (Л. 32 об-37) датирован [316] 1837 г. Причем в нем информация о службе Рооса в 1812-1816 гг. представлена более подробно, возможно, составители списка опирались на какие-то иные документы или на свидетельства самого Рооса.

² Ein Jahr aus meinem Leben oder Reise von den westlichen Ufern von Donau an die Nara, suedlich von Moskwa und zurueck an die Beresina mit der Grossen Armee Napoleons im Jahre 1812 von H.U.L. von Roos... Spb, 1832.

³ Смутное время и Отечественная война 1812 г. Т. 2. Генрих Роос. С Наполеоном в Россию. Записки врача Великой армии. Перевод с немецкого под редакцией Н.И. Бороздина. М., 1912.

⁴ РГИА Ф. 758 Оп. 15 Д. 101. Л. 32об-33.

⁵ Роос Г. С Наполеоном в Россию. Записки врача Великой армии. М., 1912. С. 271, 273-274.

⁶ Там же. С. 275-277.

⁷ Там же. С. 277-281.

⁸ Там же. С. 281-284.

⁹ Там же. С. 287-289.

¹⁰ РГИА Ф. 758 Оп. 15 Д. 101. Л. 32об-34.

¹¹ Там же. Л. 32об-34.

¹² Роос Г. Указ. соч.. С. 289.

¹³ РГИА Ф. 758 Оп. 15 Д. 101. Л. 32об.

¹⁴ Роос Г. Указ. соч. С. 298-299, 302-303, 306, 307.

¹⁵ Roos H., von Op. cit. S. 337.

-
- ¹⁶ РГИА Ф. 733 Оп. 99 Д. 42. Л. 1.
¹⁷ Там же. Л. 2, 8, 14..
¹⁸ Роос Г. Указ. соч. С. 323.
¹⁹ РГИА Ф. 758 Оп. 15 Д. 101. Л. 32об-34.
²⁰ Там же. Л. 5.
²¹ Роос Г. Указ. соч. С. 322, 324-328.
²² РГИА Ф. 758 Оп. 15 Д. 101. Л. 2.
²³ Там же. Л. 3.
²⁴ Там же. Л. 1.
²⁵ Там же. Л. 6 а, б.
²⁶ Там же. Л. 33об-34.
²⁷ Там же. Л. 34об-35.
²⁸ Там же. Л. 11.
²⁹ Там же. Л. 34об-35.
³⁰ Там же. Л. 13.
³¹ Там же. Л. 34об-35.
³² Там же. Л. 35 об.-36.
³³ Там же. Л. 34об-36.
³⁴ Там же. Л. 19, 21.
³⁵ Там же. Л. 36об-37.
³⁶ Там же. Л. 25.
³⁷ Там же. Л. 36об-37. [317]
³⁸ Roos H.U.L. Erster Jahres-Bericht vom Marienkrankenhaus fuer Arme in Sankt-Petersburg vom Jahr 1836. Spb. 1837; Roos H.U.L. Zweiter medicinischer Jahresbericht vom Marienkrankenhaus fuer Arme in Sankt-Petersburg vom Jahr 1837. Spb. 1838.
³⁹ РГИА Ф. 758 Оп. 15 Д. 101. Л. 35об-37.
⁴⁰ Там же. Л. 26.
⁴¹ Там же. Л. 27-29.
⁴² Там же. Л. 31, 44.
⁴³ Там же. Л. 39об., 50, 54.
⁴⁴ Там же. Л. 54, 54а.